

Автор - Екатерина Полянская, Санкт-Петербург (Россия).

ПОСЛЕДНИЕ ДРУЗЬЯ

* * *

Буркнула сыну: «Под Котовского бы тебя
Надо подстричь!» - «А кто это? Кто таковский?» -
Мальчик спросил, удивлённо вихры теребя...
Надо же! Он не знает, кем был Котовский!

Парень читает книжки, смотрит кино,
Учится, вроде бы, и – без особой лени,
Знает про Фрунзе и про батьку Махно,
Знает, что были Сталин, Троцкий и Ленин.

Всяческих знаний – полная голова,
По математике почти в отличники вышел,
В умные фразы увязывает слова,
А о Котовском, оказывается, и не слышал.

Вот и «sic transit»... Кабы погиб на войне
Славный комбриг, или – пал жертвой репрессий,
Мог бы в школьный учебник войти вполне,
Упомянуться хотя бы порою в прессе.

Всё могло быть иначе, и даже – не чуть,
Если б жизнь озарилась иным финалом...
В мирное время, увы, завершил его путь
Выстрел – привет от одесского криминала.

Были, конечно, митинги и венки,
Толпы людей, тучи словесной пыли
(сам бы покойный ещё раз помер с тоски),
Были стихи – их тоже потом забыли.

Всё-таки, жаль: романтик, полубандит,
- Господи, как любила его удача! –
Посвист пуль да перестук копыт,
Храбрость, напор, кураж. И – никак иначе!

Долг отдавая именно куражу, –
В нас для него почти не осталось места,
Я о Котовском мальчику расскажу,
Просто чтобы закваски добавить в тесто.

Иаков

И боролся Некто с ним до появления зари;
□□□□□□□□□□ □ □ *Бытие (32, 24)*

И Некто возгремел:
- Уже рассвет
Приблизился, дрожат твои колени.
Так отпусти же!
-Дай благословенье! –
Иаков прохрипел Ему в ответ.

И зубы сжал. И из последних сил
Упёрся в землю, обхватив за плечи
Из тесной плоти рвущуюся вечность.
И – устоял. И вновь – не отпустил.

И воздух разорвался:
- Кто посмел
Со Мной бороться? Кто ты?
-Я – Иаков. –
Цвет неба и земли был одинаков,
И одинокий куст во тьме шумел.

- Иаков ты? Сын Исаака?

- Да,
Иаков, уповающий на милость... -
Меж безднами плывущая звезда
Поблёлкла, помертвела, и – скатилась.

И был Господний ужас так велик,
Как может быть велик Господний ужас,
Небесная спираль сжималась туже,
И горло раздирал застрявший крик.

Но лёгким дуновеньем с высоты
Невидимых, неведомых ступеней:
- Пусти меня. Я дам благословенье.
И ведай, что боролся с Богом ты.

Да опочит Господня благодать
На имени, очищенном от праха!
Ступай, Израиль. И не ведай страха:
Ты будешь человек победать.

И он побрёл, ступая тяжело,
Пытаясь привыкать к себе – иному,
К иной судьбе, к печали незнакомой,
К тому, что жив, а прошлое – прошло.

Рождалось утро. Золотистый свет
Стекал с небес легко и обновлено.
И маки, раскрываясь изумлённо,
Мерцали уходящему вослед.

Мои двенадцать

Они пришли – двенадцать человек,
Пришли, действительно, - стихи послушать.
Впотьмах метался ветер. Мокрый снег
Плевал в лицо, и сердце билось глуше.

И вот, когда, цепляясь и скользя,
Я заглянула в пасть пустого зала,
Они пришли – последние друзья,
Которых я почти совсем не знала.

Не дай мне Бог душою покривить,
Когда, последних слёз уже не пряча,
Пришедших я смогу благословить

Конкурсная подборка 12. «Последние друзья»;

Автор: Оргкомитет
22.03.2016 12:00

Не словом, но – молчанием горячим.

